МОСГОРСПРАВКА МОССОВЕТА
Отдел газетных вырезок
ул. Кирова, 26/б. Телеф. 96-69

Вырезка из газеты **СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО**

Москва 17 АПР 38 Газета №

1020

АКТЕРЫ И РОЛИ

Коломийцев—Зубов

«Нет! Кончено! Больше я в ролях шпионов, изменников, белогвардейцев, полицейских выступать не буду. Чем лучше играешь, тем больше тебя ненавидят. Ходишь по сцене и буквально физически ощущаешь, как со всех сторон тебя прокалывают тысячи острых злобных взглядов. Хоть беги со сцены.

Советского героя играть — одно удовольствие. Наша публика не отделяет социального восприятия образа от эстетического. Она воспринимает спектакль как жизнь и распределяет свои симпатии к актерам не только по мастерству, а в зависимости от ролей, которые они исполняют.

Какое бы отвратительное и враждебное нам существо я ни изображал, — я вкладываю в этот образ свое дарование, свое искусство, я хочу принести зрителю пользу, а вызываю только гнев и отвращение. Нет, довольно! Отныне буду играть только своих».

Эту тираду молодой актер произнес при общем одобрении своих товарищей. А вечером все мы на горьковском спектакле театра Ленсовета «Последние» были свидетелями того, как публика выражала свои восторги исполнителю роли полицмейстера Коломийцева — заслуженному артисту республики К. А. Зубову.

Горький раскрыл личность крупного полицейского служаки и природу охраняемого им режима не в стенах Третьего отделения, не в полицейских департаментах и застенках, а в частной полицмейстерской квартире. Больше того, герой пьесы Иван Коломийцев «бездействует». Он не выполняет своих оперативных государственных функций. Он временно отстранен от службы в полиции и на всем протяжении пьесы находится, так сказать, не у дел. Иван Коломийцев не выходит за пределы гостиной и столовой своей квартиры. Он разговаривает только со своей женой, с братом, с детьми и с их нянькой. Но как много увидел и показал в этих ограниченных, замкнутых рамках большой художник! Здесь — вся старая Россия, весь старый мир.

Спокойствие, равновесие эксплоататорской семьи возможно лишь до тех пор, пока она беспрепятственно балансирует при помощи лжи, насилия, лицемерия. Голос правды и справедливости, как бы он ни был слаб и робок, для общества Коломийцевых — гром среди ясного дня. Стоит только испугаться и на секунду нарушить баланс, как все полетит в пропасть.

После неудавшегося покушения на жизнь Ивана Коломийцева по его указанию в тюрьму посажен совершенно невинный человек. Но Иван Коломийцев, прекрасно знающий об этой «ошибке», не может признать ее, несмотря на требования своей жены и сына. Развертывая сюжет пьесы с такой естественностью, с какой это может делать только сама жизнь, Горький показывает, что Коломийцев не может отказаться от чудовищного произвола, не поставив «честь» своего мундира, судьбу своих детей, все свое шкурническое благополучие под угрозу немедленной гибели.

■■■

«Последние» в театре Ленсовета. Засл. арт. республики К. А. Зубов в роли Ивана Коломийцева.

Постучавшись в двери дома Ивана Коломийцева, правда делает этот дом сумасшедшим домом, а его обитателей безумцами. Она ставит их в безвыходное положение, загоняет в тупик, травит.

Так же, как и в «Вассе Железновой», в «Последних» необычайно заострена одна из основных идей горьковской драматургии: в капиталистической семье производятся нравственные и физические уроды. Здесь калечатся души юношей и девушек, еще не успевших окончательно заглушить в себе истинно человеческих чувств. «Отсюда не уйдешь... не-ет! И пробовать не стоит...»

Когда гимназист Петр Коломийцев однажды обращается к отцу со словами: «Я хочу поговорить с тобой, как человек с человеком...», то Ивану в первую секунду кажется, что началось светопреставление. Человек с человеком? Затем ему приходит в голову единственная мысль, которой он способен об'яснить эту неслыханную фразу, мысль о том, что сын заболел венерической болезнью. Он приходит в бешеную ярость, но сын оказывается здоров, и Иван Коломийцев окончательно растерян: «Что же ты тут городил, чудачина?»

Иван Коломийцев в исполнении К. А. Зубова (Московский театр Ленсовета, пост. режиссера А. Плотникова) — большое произведение театрального искусства.

В основе актерского замысла — контраст между видимостью и сущностью этого человека. Сильный, плотный мужчина с властным лицом, с фигурой, голосом и походкой, которые можно было бы назвать безапелляционными, с глазами, являющимися не зеркалом души, а зеркалом плоти, самодовольный самец, чувственная красота которого не отражает никакого движения мысли, энергичный, эффектный, горделивый, — таков в изображении Зубова стиль Ивана Коломийцева, дарованный ему природой и властью.

Независимость и произвол имеют свою осанку, свой тембр голоса, свой лоск. Но вот Иван Коломийцев сдвинут с железного жандармского постамента, потерял опору, равновесие. Первый раз в жизни от него потребовали не показной генеральской, а человеческой прямоты и мужества, и мы видим, как прямолинейный истукан мгновенно заюлил мелким бесом. Он корчится, извивается и визжит, как дьявол при виде креста. Чем меньше власти в его руках, тем больше силится он сохранить властительную позу. В этой борьбе Коломийцев растерял всю свою непогрешимость и важность, затянутые в блестящий помпезный мундир, и предстает перед публикой как бы в одном белье — жалкий и смешной. Самодержавный глава дома истерически суетится, мечется, как зверь в клетке, кричит визгливым, срывающимся голосом, дерется, плачет, то требует, то умоляет, хитрит и хорохорится, гневно стучит кулаком, каблуками и ищет сочувствия.

Всю эту какофонию чувств растерявшегося мелкого жулика, эгоиста, труса и развратника Зубов передает с замечательным мастерством.

Талантливый артист не побоялся множества чрезвычайно смелых, рискованных движений и интонаций, которые могли бы показаться формалистской претензией, если бы в них не было живой крови, живого нерва.

Пред'являя актеру самые высокие требования, можно сказать, что в этой работе Зубова актер не совсем еще «умер в образе». Зубов еще не прошелся по замечательному рисунку своей роли резинкой, чтобы смягчить отдельные штрихи и убрать попадающиеся кое-где ненужные параллельные, повторные линии. Надо думать, что зубовский образ Ивана Коломийцева после первых нескольких спектаклей станет безукоризненным и по праву займет свое место в галлерее лучших произведений советских мастеров сцены.

Когда мы возвращались из театра домой, молодой актер, решивший никогда больше не играть роли злодеев, изменников, шпионов и охранников, сказал нам:

— Ну и что же? Разве спектакль достиг той высокой цели, которую ставит перед собой наше искусство? Ведь он должен был вызвать у нас отвращение к Ивану Коломийцеву. Мы должны были бы едва удерживать себя от желания броситься на сцену и растерзать этого негодяя! А что получилось? Публика смеялась, наслаждалась. Подумайте только, наша советская публика получила удовольствие от созерцания отвратительной жизни какой-то полицейской семьи. Где же идейная политическая сила театра? Или мы воскрешаем старый декадентский лозунг: «Искусство для искусства»?!

Молодой актер не одинок в своем заблуждении. Ведь так же рассуждают, так же возмущаются нередко и критики, и педагоги, и редакторы.

Но зритель уже давно перерос своих строгих и мнительных гувернеров. Ему давно уже не нужна навязчивая, примитивная агитка. Он любит, когда большой и мудрый художник разговаривает с ним, как с равным.

Он хочет познавать жизнь не только в абстрактных обобщениях, но и в конкретных разновидностях. Он хочет видеть в искусстве многообразие жизни, а не однообразие категорий; открытий, а не оценок. Он хочет, чтобы человеческий характер, даже самый подлый, разоблачал себя, борясь, нападая и защищаясь, а не демонстрировался в качестве «продукта», окруженного надписями и указательными пальцами автора, режиссера и актера.

Зритель хочет творческого, а не послушно-пассивного восприятия искусства, потому что только процесс художественного откровения, познания, угадывания доставляет ему истинное удовлетворение.

Он не боится сочетания в одном человеке смешного и отвратительного, забавного и подлого, ума и бездушия, эгоизма и страдания, угнетения и жалобы. Он аплодирует талантливым исполнителям ролей Булычева, Каренина, Коломийцева за то, что они, с большой художественной глубиной раскрывая эти образы, приобщили его к тайнам жизни и к радостям искусства.

А. ГУРВИЧ